

Юлия Шварцберг, Рудольф Зейферт

«Всего лишь одна История»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Шварцберг

Всего лишь одна история

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шварцберг Ю. А.

Всего лишь одна история / Ю. А. Шварцберг — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В портовом городе Ффос всё было хорошо: люди тихо жили в своих домах, бакалейная лавка "У рыжего Ника" работала без перебоев, а цирк ежедневно радовал немногочисленных туристов волнующими душу и тело представлениями. Пока однажды не погас Маяк. И всё бы ничего, ведь будущее не нуждается в маяках для своих кораблей, как Вы знаете. Вот только погас он не просто так, фонарь в нем был очень даже не обычным, а расследование чуть было не зашло в тупик. Если бы не... Впрочем, обо всем по порядку: утро стоит начинать с чая. Содержит нецензурную брань.

© Шварцберг Ю. А., 2017

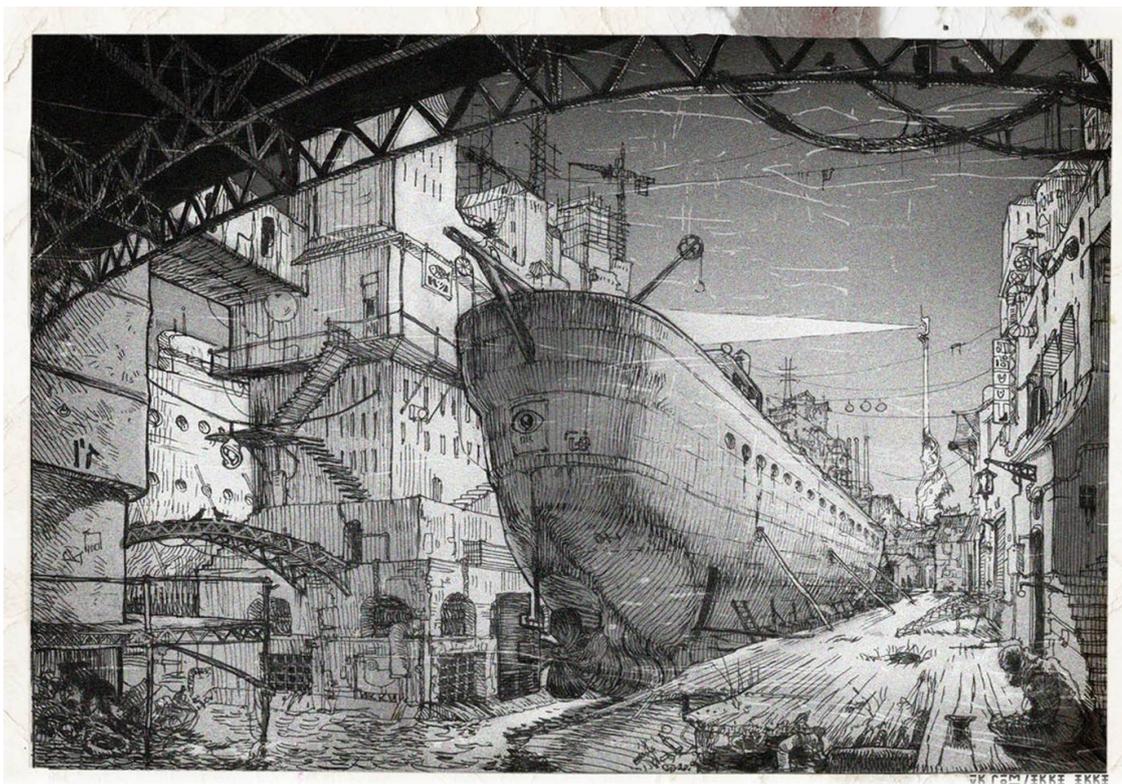
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1. Порт. Маяк. Потеря сознания.	5
Глава 2. Ножки, Ножики и Спички.	9
Глава 3. Мало слов о Большом человеке.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1. Порт. Маяк. Потеря сознания.

*"Сидя в лодке, старик из Намюра
Воскликнул: «Наконец я на море!»
Услыхав: «Вы на суше!»,
Он едва Богу душу
Не отдал от досады и горя".*

«Порт»

Утро стоит начинать с чая.

Об этом Мистер Марсель твердил Миссис Марсель каждый день перед тем, как уйти на маяк и провести там около пяти часов. Миссис Марсель подобное «хобби» не одобряла – она считала, что обслуживание вышки пустое дело. Во-первых, она лишь внешне походила на маяк. Во-вторых, навигационная система кораблей уже несколько веков не нуждалась в наличии маяка на берегу. Но Мистер Марсель упрямо ходил туда каждый день, и каждый день он выполнял один и тот же ритуал.

Восемь утра – подъем. Осознание себя в куске зеркала, висящем над тумбой.

Девять утра – завтрак. Мистер Марсель предпочитал земное английское меню: чай, вареное яйцо, ломоть черного хлеба, соль и газету, пусть и не первой свежести. Десять утра – расчесывание усов. Далее Мистер Марсель надевал старинный цилиндр, который не разваливался лишь благодаря десятку пестрых заплат, и, учтиво попрощавшись с женой и двумя очаровательными сорванцами, отправлялся в сторону Порта.

Маяк действительно не походил на привычное землянам сооружение – он был лишь частью Ковчега Криоса, оборудованием, которое после удара о Экиа-Нова пришло в непригодность. Местные энтузиасты слепили маяк из упавших останков, и его ждала бы участь всех наспех собранных произведений искусства, если бы не Мистер Марсель. Воспитанный в духе традиций, он пообещал себе, что станет смотрителем Маяка, как и его пра-пра-пра-пра... дедушка, Джони Джон Старший. Кто, если не Мистер Марсель?

После ежедневной уборки Мистер Марсель любовно проверял фонарь, который почему-то упорно продолжал светить несмотря ни на что, обедал тем, что ему послала Миссис Марсель, и погружался в чтение. Больше всего Марсель любил поэзию, поэтому неудивительно, что спустя годы поглощения рифм он и сам стал писать небольшие лимерики, которые по вечерам зачитывал детям. Иногда Мистер Марсель, как он изволил выражаться, хулиганил: поворачивал вентиль, ослаблял крепление и направлял луч света в сторону города.

Первым делом тот указывал на Улицу Красных Фонарей, так что вусмерть пьяные матросы лицезрели столб света с небес, падающий на бордель «Семь Девиц».

«И если это не знак, то что?» – думали они и с трепетом в груди бежали в объятия портовых девиц.

Еще немного повернуть вентиль – и свет указывает на бар «Рыбий хребет», прекрасное место для тех, кому не хватает в крови виски, фосфора и проблем.

Центральный ринг спонтанных боев среди матросов любой категории, деловой центр для переговоров торговцев рыбой и, конечно, колыбель любимого местными блюда – «Пороха» или сушеного рыбьего хвоста под специями. Любимого и практически единственного, ты как ни старайся, а в портовом «городке» из еды в основном рыба.

До таможенного пункта и складских помещений луч уже дотягивался с трудом. Все-таки куски Криоса технически не являлись маяком и не были рассчитаны на охват в триста шестьдесят градусов. Иногда Мистер Марсель устраивался на открытой площадке с чашечкой чая и задумчиво наблюдал за небом – интересно, какой она была, Земля? Такого же цвета там было море? Также матросы бежали на свет? Также пах рыбой чай?

Дни летели беззаботно, один за другим.

Мистер Марсель вставал каждое утро, причесывал усы, надевал цилиндр и с авоськой в руках бодро шагал в сторону маяка.

Пока однажды его привычный ритм жизни не прервал один случай.

Летом, в сто двадцать пятом году от Исхода, в пятнадцать часов дня, Мистер Марсель смазывал вентиль, когда вдруг услышал странный шум. Шум отчетливо напоминал треск ступенек, а, как известно, никто кроме Мистера Марселя не мог в сей час подниматься на верхний этаж. Убедившись в том, что сам он уже как пять часов находится у фонаря, Мистер Марсель заглянул в люк.

Из люка на него удивленно взирал господин, чей цилиндр был в состоянии даже худшем, чем цилиндр смотрителя.

– Добрый день, – поздоровался Мистер Марсель. Все-таки, он был потомственным англичанином, а значит помнил про учтивость, даже если его изволят грабить.

– И тебе не хворать. Ну-ка, подвинься, Отец, я с трудом сюда добрался.

Мужчина грузно вывалился на площадку подле лестницы и, оправив жилетку, возрился на Марселя. Тот ждал. Потом неловко заметил:

– Бабочка.

– Что – бабочка?

– Вы ее зажали.

– А. Да.

Мужчина поднял голову и бабочка, намертво вбитая иглой в горло, затрепетала. Марсель соглотнул.

– Вот что. Я немного не ожидал, что тут кто-то изволит шляться вообще. Позвольте спросить – а что вы здесь делаете?

– Служу, мистер...

– Сезам.

– Мистер Сезам. Я смотритель маяка, уже много лет.

– Вот как.

Сезам почесал макушку.

– И тебе за это платят?

– Нет, конечно. По вечерам я чищу рыбу и мою посуду в небольшой лавке у дома.

– Дети есть?

– Да, мистер Сезам. Двое. Два мальчика.

– Эх. У меня тоже есть дочка.

Замешкавшись на секунду, Сезам уселся на место Марселя и шумно отхлебнул чаю. Отплевавшись, он спросил про жену, потом про быт Марселя. Пошутил разок про усы.

Наконец, смотритель не выдержал:

– Да, это все очень занято, но Вы так и не сказали, что Вам нужно и почему

у Вас игла торчит из шеи.

– Разве? Вот незадача, разрази меня трупная оса. Мой дорогой Марсель, – Сезам с трудом поднялся и поправил сползающие штаны. – Ты пойми, я лично не хотел приходить. Мне как-то не вперлось лезть на непонятную башню самому, но мой помощник оказался слабаком и свалился где-то на третьем этаже с лестницы, вопя что-то про страх высоты. Забавно, правда? Наверное, у него голова так съехала после того, как он с Ковчега об Экиа-Нова ударился.

– Но ведь это было сто двадцать пять лет назад...

– Собственно, – Сезам обнял Марселя за плечи. – Пришлось ползти сюда самому, пока этот идиот не заблевал мне всю жилетку. А залез я сюда ради вот этого. Ради хренового фонаря. А знаешь почему, Маркиз?

– Марсель.

– Да, вероятно, ты прав. Потому, что внутри этого фонарика – кристалл. И очень хороший кристалл. Редкой хорошести. Эта мразь светит уже... сколько ты сказал? Сто двадцать пять лет? И до сих пор с ним все нормально. Поэтому я пришел забрать эту лампочку к себе домой.

– Вы не можете! Этот фонарь – душа маяка. Он должен остаться здесь, это его дом.

– Эй, ты. Полегче. Это всего лишь стекляшка.

– Нет, мистер Сезам. Я уверен, что этот фонарь – живой!

– Ох, да что за чушь ты несешь.

Сезам встал с кресла и шагнул в сторону фонаря, но дорогу ему перегородил Мистер Марсель – усы его топорщились от гнева, жилистые руки тряслись. Он был полон решимости защищать маяк. Сезам вздохнул – ну, почему он должен делать всю грязную работу? Ну, что это такое. Он же старший. У него же даже подчиненные есть.

Одной рукой Сезам поднял Марселя за шиворот, второй достал из кармана

обрубок сигареты и сунул его в рот.

– Послушай меня, парень, – процедил Сезам сквозь зубы. – Я вообще добрый. И ничего не имею против рабочего народа. Но мне нужен этот кристалл, а ты мешаешь мне пройти и не даешь достать спички, а я очень хочу курить.

– Не позволю забрать кристалл. Маяк... должен светить. Хотя бы один маяк на планете должен гореть.

– Ладно, как скажешь, Мистер Марсель. Я совершенно не злюсь. И ты не злись.

Сказал Сезам и с силой ударил Марсея об стену. Тот, хоть и не ожидал подобного выпада, благоразумно потерял сознание.

Решив, что смотритель больше не представляет никакой угрозы, Сезам подошел к фонарю, без особых усилий открутил гигантское стекло и, осторожно накрыв кристалл цилиндром, вытащил его наружу. Цилиндр Сезам укутал в плотный мешок, но даже через него казалось, что внутри лежит украденная с неба звезда. Вот и все, и никаких проблем. Живой фонарь он нашел, видите ли. И чего только не привидится от постоянного запаха рыбы. Да, старик?

Мистер Марсель не ответил.

Часы на башне пробили три часа и тридцать минут.

Когда они отстучали пять раз, Миссис Марсель подняла тревогу.

Смотрителя обнаружили почти сразу – с глубокой ссадиной на лбу, без любимого цилиндра на голове, но живого. На все расспросы о том, что случилось, он тихо смотрел в сторону моря, вздыхал, тер шею и молча заваривал чай.

Глава 2. Ножки, Ножики и Спички.

*"Окунь, пойманный мисс из Гошена,
Не имел чеши совершенно.
«Ах ты мой дурачок!» –
Извлекая крючок,
Промурлыкала мисс из Гошена".*

Бакалейная Лавка Рыжего Ника выделялась среди прочих огромной вывеской, гордо гласящей: «БАКАЛЕЙНАЯ ЛАВКА РЫЖЕГО НИКА ЕДИНСТВЕННАЯ ЛАВКА

ГДЕ НЕ ВОНЯЕТ У РЫЖЕГО НИКА ЗАХОДИ ТУТ».

Но, несмотря на ее наличие, Рыжий Ник не чувствовал себя счастливым.

Ведь даже такая вывеска не помогла ему привлечь внимание Той Самой, Единственной и Несравненной.

Избранницу звали Остроногая Калли и она была акробаткой в местном шапито.

Большеглазая, грациозная, изящная, похожая на фарфоровую статуэтку, с черными как смоль волосами, Калли – любимица публики. После каждого выступления она получает десятки букетов от поклонников, сотни признаний в любви, и какое ей может быть дело до скромного продавца? Даже если он упрямо оставляет у ее дверей лучшие товары из своей лавки – то корзинку солью засыпет, то самые крепкие спички, привезенные из самого Ренима, достанет, то мешок крупы с запиской подарит. Мечта, а не молодой человек.

Но сердце Калли оставалось холодным. Ей, почему-то, больше нравились лилии и розы, чем действительно полезные в хозяйстве вещи.

Однажды, после очередного оглушенного аплодисментами вечера, Остроногая, надев свои любимые каблучки, выскочила из гримерки еще до того, как к ней выстроилась очередь, и быстро застучала в сторону черного хода. Именно в этот момент Рыжий Ник, набравшись храбрости в семьдесят градусов, вышел с другой стороны коридора: он хотел признаться гимнастке в любви и предложить ей руку, сердце и половину своей лавки. Он даже письмо написал, чтобы в самый ответственный момент не запутаться в словах. Что-то вроде:

«Дорогая Калли! Ты самая красивая женщина из всех женщин. Ты напоминаешь мне спичку – а я люблю спички. Мне очень нравится, как ты шагаешь по канату и сгибаешься не в ту сторону, хоть это и выглядит странно. Я не пропустил ни одного твоего выступления, поэтому точно знаю, что ты выдержишь большие нагрузки. А раз так, значит, из тебя выйдет прекрасная владелица бакалейной лавки! Я мечтаю увидеть, как ты будешь перебирать гречку своими нежными пальцами, ведь они очень красивые, как и вся ты.

Ты самая непорочная, чистая и добрая девушка во всех семи государствах!

Я люблю тебя, Остроногая Калли.

Твой Рыжий Ник».

Ник несколько раз перечитал свое послание и остался доволен. Нужно только доставить его адресату, но адресат почему-то очень быстро бежал в сторону запасного выхода. Нику стало

любопытно, да и уверенность у него в крови так и бурлила, так что, после недолгих раздумий, он отправился вслед за Калли.

Каблучки ритмично отсчитывали шаги по асфальту. Ник с трудом за ними успевал, иногда неловко прячась, пригибаясь, если Калли сворачивала в очередной переулок.

Погода портилась – для Экиа-Нова это новостью не было, но от проблем этот факт не избавлял. Может, именно поэтому Остроногая так торопится – не хочет потеряться в тумане или попасть под дождь. Вот только зачем ей этот район? Приличные девушки, тем более красивые, не ходят танцевать под красные огни.

Может, Калли спешит к кому-то на помощь?

Ник с трудом успел пригнуться, когда девушка резко остановилась и огляделась. Вокруг никого не было, и, едва каблучки замолкли, стало ясно, насколько на улице тихо.

«Как перед бурей», – подумал Ник и почувствовал себя худо. Видимо, уверенность начала выветриваться. Уже и не особо хотелось письмо передавать, однако, бежать назад сейчас слишком опасно. Надо подождать, когда Калли перестанет так нервно осматриваться и все поглядывать по сторонам.

Минуты тикали, ветер усиливался. Из-за красного приталенного пальто силуэт гимнастки напоминал рвущийся с ветки осенний лист. Ник высунул из-за мусорного бака острый нос, поправил кепку и вздохнул – какая же она красивая. Ни дать ни взять огонек свечи в темноте колышет, а тонкие ножки на каблучках словно фитилек. И воск хороший. Дорогой.

Но не успел Рыжий Ник погрузиться в расчеты, сколько бы стоили свечи, если бы их продавала лишь Калли и какой бы катастрофой это грозило человечеству, как в свете фонаря образовался еще один силуэт. Далеко не столь притягательных форм. Калли встрепенулась и кинулась в объятия незнакомца.

Ник сжал зубы: он продавец простой, но что такое ревность знал даже он, и сейчас он чувствовал, как через его сердце проходит игла, и не простая, а упавшая с самого Криоса.

Ник подполз поближе.

– Простите, простите месье Форвард, я просто не могла быть раньше. Выступление зависит не только от меня.

– Мы не должны опаздывать. Вперед, он будет рад тебя видеть. Идем, душа наша.

«Форвард. Странное у него имя, не местный, что ли».

Погода продолжала портиться. Рыжий Ник продолжал ползти и прятаться за углы, пока его вели его вглубь улицы Красных Фонарей.

Наконец они остановились у невзрачной двери, над которой висел старомодный неработающий фонарь.

– Здесь?

– Да. Главное, не бойся. Помни, что ты хороша собой и можешь быть ему полезна. Ты ведь взяла?..

– Да, конечно.

Петли скрипнули, путники вошли внутрь. Ник посмотрел на небо – черная туча над ним закручивалась воронкой, что молодой человек счел знаком, хоть и не добрым, но все-таки знаком. Поэтому решил рискнуть и осторожно приоткрыл дверь. Кажется, они прошли дальше и не закрыли за собой. Хорошо.

Сердце стучало как бешеное – будут ли его бить ногами лишь за то, что он преследует любовь всей своей жизни? Сможет ли он объясниться? А что, если Калли обманом сюда заманили? Тогда надо ее спасти.

Эта мысль успокоила Ника. Хоть Рыжий был и не очень умным, он был добрым малым с большим сердцем и со средним размером ботинок.

В конце небольшого бархатного коридорчика висел старый занавес, за которым явно шла оживленная беседа.

– Это немислимо. Вы серьезно думаете, что какая-то проститутка сумеет заменить мне Полярную Звезду?

– Не какая-то, а лучшая в Экс-Тера.

– Да хоть личная девочка мэра. Месье Форвард, я жду объяснений.

– Мистер Донаван, Вы спешите с выводами. Мы не просто так позвали Калли. Мы наблюдали за ней, прежде чем решились на знакомство. И когда оно свершилось, поняли, что не ошиблись – Калли изумительная девушка, с широкой душой и с прекрасной растяжкой. Просто чудо. На сегодняшний день она – проверенный сторонник Мистера Донавана. Преданность нельзя купить.

– Она проститутка. Она продается, а вместе с ней – и все ее достоинства, будь это преданность или умение делать «шпагат орла». Но я не просил Вас о рекомендациях. Я спросил, как она сможет мне заменить конкретный кристалл. Вы ведь ради этого меня вызвали.

– Да, да. Доставай, девочка.

Ник прильнул к небольшой дырке в занавесе, чтобы увидеть, о чем идет речь.

Калли, судя по выражению лица, ничуть не смущенная тем, что ее называли «проституткой», вытащила из-под пальто ожерелье – тяжелое и невероятно притягательное. В комнате ненадолго воцарилась тишина.

– Оно красивое. Но не сравнится с кристаллом, который недавно украли. Тот походил на звезду, а это – лишь женская прихоть.

Лицо Форварда недовольно вытянулось. Он не ожидал, что Донаван так холодно отреагирует.

– Послушайте, это достаточно дорогой подарок. Калли, душа наша, получила его от одного из своих безмозглых поклонников и сразу сообщила об этом нам.

– Ну и дура.

Тут уже не выдержала Остроногая.

– Почему я дура?

– Потому что раскидываться кристаллами в наше время – глупость. Их, знаете ли, ограниченное количество и каждый из них уникален по-своему. Это вам не минералы, которые когда-то выковыривали из Земли. Это смесь органики и неорганики. Организмы, чьи возможности даже сейчас не раскрыты полностью. Да, батарейки – но только ли?

– Мне казалось, вопрос с ними закрыт и они не...

– Так это все? Вот это ожерелье?

– Хорошо. Хорошо, Мистер Донаван. А что насчет вот этого?

Ник чуть было не завалился вперед, пытаясь увидеть сразу всех участников сцены.

Мистер Форвард, мужчина, закутанный в зеленый полушубок, достал из широких штанов коробочку и, недовольно пыхтя, кинул ее Донавану.

Последнего Ник так и не смог рассмотреть – он сидел напротив камина, почти спиной к занавесу, но реакция у него была неплохой, раз он сумел поймать коробку. Крышка с щелчком открылась.

– Этот уже интереснее. Давно он у вас?

– Очень. Нашли его в бую, где-то в районе портов. Как раз провожали девочек на точку и...

– Месье Форвард. Я прошу Вам Вашу некомпетентность лишь в том случае, если вы отдадите мне два кристалла сразу.

– За двойную цену.

– Ну, нет. Добраться сюда для меня тоже было непросто, и Звезда все еще стоит больше, чем вы оба, вместе взятые.

– Это угроза.

– Нет. Можете идти.

– Если Вы не собираетесь платить двойную цену, то отдайте мне обратно кристалл.

– С чего бы? Это же просто стекляшка, которую Вы нашли.

– Мы привыкли к этой стекляшке. Да и раз она Вам зачем-то нужна, значит, что-то с ней не так. Мы не тупые.

Донаван рассмеялся и от его смеха Нику стало хуже, чем было, уж очень этот

смех напоминал собачий лай.

– Не тупые. Но все еще не гении, явно. Иначе бы сообразили, что о догадках вслух не говорят.

– А это угроза?

– Это она, верно, – кивнул Донаван, и в свете камина на секунду что-то сверкнуло. – Знаете, очень жаль, что Вы привели девочку, да еще – как Вы сказали? – преданную мне. Могли бы просто собирать дань со своих малышей и приносить ее сюда, и никаких проблем. А теперь придется...

– Мы думали, что Донаван достаточно щедр, чтобы вознаградить преданность.

– Ах, вот как. Калли надеялась на повышение? Надоело показывать трюки в цирке?

– Есть такое, – сжала губы Калли. – Да и вообще. Я думаю, что я стою больше, чем Вы изволили выразиться. У меня есть еще украшения – и их будут приносить дальше. Возможно, я попрошу кого-нибудь... принести мне звезду с неба. Так Вы называли этот кристалл?

– Полярная Звезда. Я хранил ее в маяке, но, боюсь, кто-то решил, что кристалл – его собственность. Подозреваю, что это проделки старого лиса, Фикса. Опустился до банального воровства.

– Ну, вот видите. Я просто пообещаю себя тому, кто принесет мне Полярную Звезду. Всю себя.

– Вы действительно цените свои умения достаточно высоко. Это похвально.

Ник отпрянул и тихо зашагал спиной в сторону двери. Он был оглушен.

Полярная Звезда. Значит, если он достанет этот кристалл, то Калли согласится стать его женой. Она же это имела в виду, верно? Конечно, тут явно что-то ужасное происходит, какой-то человек называет его любимую девушку грубейшим словом, а никто и не говорит ничего.

Но он попросит Калли перестать с ними общаться. Она поймет. Только надо достать для нее звезду, чтобы она его выслушала. Тот парень со странным смехом сказал, что кристалл был на маяке. А кто не знает, что все, что касается маяка, находится в компетенции Марселя? Уж сколько раз ему миссис Марсель жаловалась, что у ее мужа абсолютно ненормальное хобби – грех не запомнить. Правда, он ее давно не видел, но вряд ли они переехали. Так что нужно просто найти их и спросить, и дело в шляпе!

Воздух на улице застыл.

Ник посмотрел вверх – небо было абсолютно черным.

– Но если Калли ценит себя в стоимость Звезды, то чего стоите Вы, Форвард? Стоп. Одну минуту. Девочка, иди сюда. Сними пальто и присядь поближе.

– Верните кристалл.

– Возьмите вон ту пачку, что лежит на столе, – и хватит с Вас.

– Здесь за один.

– И?

– Или платите двойную цену, или отдавайте кристалл, Донаван, иначе мы...

Чернильный купол раскололся молнией надвое, через секунду грянул гром.
Рыжий Ник кинулся бежать, наспех расстегивая пальто, чтобы укрыть им голову.
На Экиа-Нова началась гроза.
– Слушай, Калли. У меня к тебе очень важный вопрос. У тебя нет аллергии
на моллюсков?

Глава 3. Мало слов о Большом человеке.

*«Тише! – крикнул старик из Кордобы, –
Там щебечет птенец среди чащобы!»
«Он совсем еще мал?»
«Я бы так не сказал!
Он раз в пять больше этой чащобы!»*

– Ну, что ты, дорогой мой. Я совершенно не злюсь.

Абигейл вздохнула и отлипла от двери. Дальше можно было не подслушивать. Обычно, если отец произносит эту фразу, его собеседника в скором времени ждала скоропостижная смерть.

Можно было идти за шваброй и ведром.

Примерно через пятнадцать минут Сезам ударил кружкой об стол и смачно рыгнул.

– Моя дорогая Абигейл, он сам напросился, ты же знаешь, я добр как, мать его, кашалот во время спаривания.

– Я не уверена, что это хорошее определение.

– Ох, да ладно, – Сезам закурил. – Можно было бы догадаться, что, если врать Отцу, Отец рад не будет. Я вежливо попросил Карла прислать мне мальчишку с информацией о новой сделке в Северной части шахт, а Карл, видно, не расслышал и прислал мне ребят с обрезками. Все потому, что он фанат ретардов. У них одни обрезки на уме.

– Бабочка.

– Что – бабочка?

– Ты ее зажал.

Сезам приподнял голову и бабочка, пришпиленная к горлу иголкой, вяло затрепыхалась. На масляном подбородке отпечаталась нежная пыльца. Странно, что Карл так и не осознал до конца, что к человеку с подобным аксессуаром на шее присылать убийц нелогично. Что-то может пойти не так.

Часы пробили восемь вечера.

Надо отмыть пол от крови.

Скоро приедет Баскет.

Мистер Баскет был другом и личным советником семьи, абсолютно не похожим на Сезама. Если Баскет выбирал классический стиль «бетовских козырьков», то предпочтения Сезама в одежде могли вывести из равновесия даже человека, видевшего свою пожилую мать голой. Котелок кошмарного бутылочного цвета не мог отвлечь от пропитанной потом жилетки, надетой на голое тело. А жилетка была ненамного мягче, чем армейские ботинки, которые Сезам не чистил с тех пор, как впервые сумел в них влезть. То есть примерно с десятков лет назад, когда только вышел из тюрьмы и нашел себе обувь на первом попавшемся пьяном матросе.

– Сезам, – Баскет осторожно сел на стул напротив начальника. – У нас возникли непредвиденные проблемы.

– У нас? – Спросил Сезам. – Мне казалось, у меня проблем нет. А если и есть, то только предвиденные.

– У нас, – когда Баскет нервничал, он начинал походить на оглушенную рыбу. – Потому что сделка сорвалась, и мы потеряли весь товар, а не часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.